

Олег Губарь

Пушкин на берегу Черного моря

Речь пойдет не о популярных одноименных полотнах Айвазовского и Пастернака, но о сюжете тоже довольно известном. Я говорю о морских купаниях, входивших в распорядок одесского дня знаменитого пушкинского героя.

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.

Я назвал известным этот эпизод «Путешествия Онегина», но не уточнил, что лежащие за ним реалии как раз совершенно неизвестны. Из контекста видно: купальни находились под обрывистым одесским плато и были достаточно комфортабельны – здесь под легкий шум волны можно было насладиться хорошим турецким мокко, приправленным затяжкой элитарного македонского табака дюбек. Мне показалось любопытным разобраться в том, когда, где, при каких обстоятельствах, кем, на каких кондициях устроены эти купальни, как и насколько долго они функционировали. Как вы убедитесь ниже, оная «разборка» дает чрезвычайно полезную информацию, непосредственно касающуюся пребывания поэта в Одессе.

Начнем все же с «пушки зоревой». Поэт говорит здесь об орудии на военной брандвахте, стоявшей в Карантинной гавани.

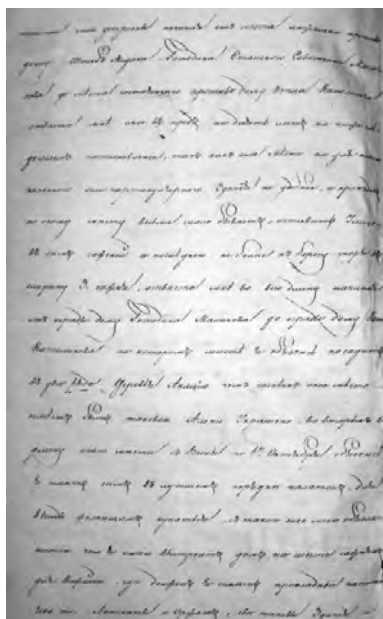
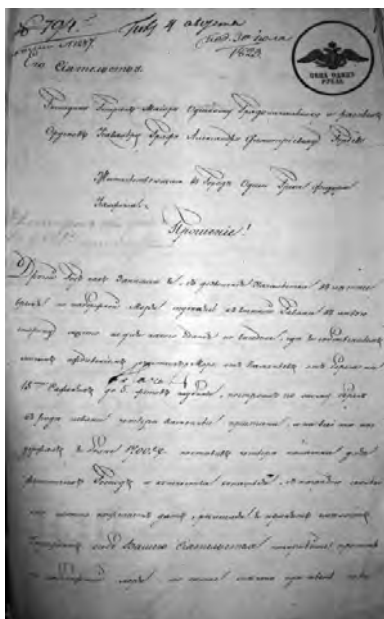
В те годы залп заменял куранты – сигнализировал о восходе и заходе солнца, полудне, об открытии и закрытии навигации, наконец, об опасности. Таким образом, утренний выстрел сообщал о начале рабочего дня, полдневный – о наступлении обеда, по нему горожане сверяли часы. В дальнейшем стрельбу с брандвахты заменили единичным полдневым выстрелом маленькой сигнальной пушки с бульвара. В данном случае Пушкин подчеркивает раннее время купания.

Первичное устройство морских купален для благородной публики в Одессе относится ко времени управления городом и краем герцога Ришелье. Дело это было поручено им адъютанту и родственнику графу Леону Рошешуару¹. Местоположение означенных купален упомянуто в публикации журнала «Сын Отечества» под заголовком «Письмо к господину NN об Одессе. 30 октября 1816 года»: «Для купанья в морской воде ездят за несколько верст за город на залив: там видел я разбитые нарочно для сего палатки; но многие купаются между *военною* и *купеческою* гаванями. Тут также хорошо: отмель идет на большое пространство; песок и вода чистые»².

Это означает, что высшие классы принимали морские ванны в районе так называемого Малого (Рашковского) Фонтана, близ дач (хуторов) Рено, Феогности и др., небезызвестных пушкинских мест³. Военная (Купеческая, Практическая) гавань примыкала к Военной балке, естественному спуску в порт, важнейшей транспортной артерии, тянувшейся отсюда вдоль так называемой Гаваньской (Гаванной) улицы и ее продолжения, Александровского проспекта, до Старого базара, крупнейшего городского торгового центра. Разумеется, благородная, да и состоятельная публика не позволяла себе купание в порту, без малейших удобств, да еще у всех на виду; в гавани «пляжилось» простонародье и матросы. Однако такое положение вещей не могло продолжаться долго: поездки за город были связаны с потерей времени и немалыми издержками на извозчика. Кроме того, в связи с изменением военно-стратегической ситуации «военный городок» на территории будущего Приморского бульвара постепенно ликвидировался, и окрестности Военной балки стали активно застраивать имущие граждане, которым не с руки было ездить для купаний

за тридевять земель. Скажем, из письма графини Е.П. Гурьевой (от 20 июня 1823 года), супруги одесского градоначальника, пушкинской знакомой, следует, что морские ванны она с дочерьми и челядью принимала неподалеку от дома Кошелева, который Гурьевы арендовали.

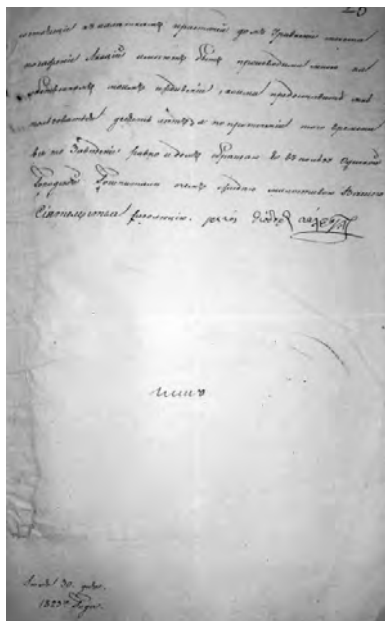
Одесский 1-й гильдии купец, питейный откупщик, крупный муниципальный деятель Василий Егорович Кошелев владел одним из лучших в городе домов, располагавшимся на углу улиц Херсонской и Конной⁴. С 20 сентября 1822-го это колоссальное по тем временам строение за 9.500 рублей в год арендовал граф А.Д. Гурьев⁵. В сказанном письме его супруга пишет: «Я встала сегодня в 6 часов утра, и в 7 была в море...»⁶. При таком раскладе абсолютно исключена поездка к Малому Фонтану: даже поспешные сборы и дорога заняли бы значительно больше времени. Другое дело – коротенький маршрут от угла Херсонской и Конной: несколько кварталов до Военной балки, а затем с горки в гавань.

Нижняя хронологическая граница появления городской купальни вполне фиксируется – 1822 год. Это явствует из любопытного дела, хранящегося в фонде Одесского строительного комитета Государственного архива Одесской области, под заголовком «По прошению грека Федора Калфогла о позволении ему занять на берегу моря от военной гавани до пересыпа по набережной место для построения купальней»⁷. Заключенный здесь корпус документов свидетельствует о том, что устное дозволение на устройство купален было дано еще графом А.Ф. Ланжероном⁸. А поскольку граф с 20-х чисел июня 1822 года находился в отпуске, а далее был смещен⁹, постольку купальни функционировали несколько ранее – с мая или же с самого начала июня. Граф М.С. Воронцов пролонгировал это разрешение также «изустным приказом»¹⁰.

30 июля 1823 года «иностранный грек» Феодор Калфогло (Калфоглу) подал следующее прошение на имя одесского градоначальника, графа Александра Дмитриевича Гурьева: «Другой год,

как занимаю я с дозволения начальства в летнее время по набережной моря, спускаясь к военной гавани в левую сторону, место ни для кого не выгодное, где я собственным моим иждивением очистил море от камней от берега на 18-ти сажнях до 5 футов глубины, построил по оному берегу вроде гавани четыре каменные пристани, и на все то издержал я более 1.700 р., поставив четыре палатки для желающих господ и купечества купаться, с наградою, сколько кто охотно пожелает дать, решился я принять смелость утруждать особу вашего сиятельства покорнейше просить по набережной моря то самое место, где ныне

оние палатки мои устроены, начиная от места, лежащего противу дому штаб-медика, господина статского советника Малахова, до места, состоящего противу дому купца Католикова, отвести мне оное впредь на десять лет по нижеследующем постановлении, так как оное место ни для какого казенного или партикулярного здания не удобное, и проездов по оному месту весьма мало бывает, оставить улицу – в семь сажений, а последнюю, не более к берегу моря в ширину 3 сажени, отвести мне во всю длину, начиная от ограды дому господина Малахова до ограды дому купца Католикова, на котором месте я обяуюсь посадить в два ряда деревья акацию, чем самым оное место имеет быть таковою аллею украшено, во-вторых, в длину оногo места с весны по 1-е октября обяуюсь я иметь семь в лучшем порядке палаток для выгоды желающим купаться, с такою еще моею обязанностью, что я имею выстроить дом на шести сажнях для кофейни, где должен я иметь прохладные напитки, яко то лимонаты (лимонады. – **О. Г.**) и оржат (оранжад. – **О. Г.**), все таковы здания и состоящие к палаткам дом, уравнии места посадение акаций имеют быть производимы мною на собственном моем иждивении, коими предоставить мне пользоваться десять лет: а по протечении того времени все то заведение, равно и дом, обращаю в пользу Одесской городской гошпиталь (то есть Одесской городской больницы, в пользу которой в ту пору поступали все штрафы с предпринимателей. – **О. Г.**), о чем ожидаю милостивого вашего сиятельства резолюцию»¹¹.

Все тут ясно, комментировать остается лишь местоположение. Приморский участок, вскоре получивший название «Купальный берег», как было сказано, находился слева от спуска в Военную гавань, меж оградями домов Малахова и Католикова, то есть по берегу меж нынешней улицей Торговой и Одесским художественным музеем. Территория последнего тогда принадлежала купцу-лесоторговцу Мартину Католикову¹², а дом с флигелями штаб-лекаря Василия Малахова стоял над обрывом, первым по нечетной стороне Торговой улицы¹³. Таким образом, Пушкину доставало каких-нибудь 10-15 минут, для того чтобы очутиться здесь, «с крутого берега сбегая», от Клубной гостиницы, через Театральную площадь, напрямиком в ответвление Военной балки, выходящее ныне от Сабанеева моста к Екатерининской площади.

Неизвестный. Дом Воронцова в Одессе. Эрмитаж. 1830-е. Рисунок

Летний сезон 1823 года купальни Калфогло функционировали на прежних «изустных» основаниях, а в начале 1824-го Одесский строительный комитет (ОСК) изучил предложение содержателя. 11 февраля в заседании ОСК отмечалось: на участке, о котором идет речь в прошении Калфогло, грунт такой, что нельзя ни кофейню строить, ни деревьев высаживать¹⁴. Таким образом, во все время пребывания Пушкина в Одессе почтенные пользователи купален проводили досуг в четырех полотняных палатках на выдвинутых в залив «пристанях». И теперь становится очевидным, что поэт-реалист несколько не преувеличивает, говоря об оживленном волной потреблении арабского кофе и турецкого табака. Тут нет никакой метафоры, ибо публика отдыхает не за каменными стенами кофейни, а непосредственно под сенью волн.

Полагаю, небезынтересна дальнейшая судьба этого заведения и его устроителя, пушкинского знакомого. Вскоре после отъезда Пушкина из Одессы, 8 сентября 1824 года, произошел довольно сильный шторм. 6 октября Калфогло обращается уже

непосредственно в ОСК с прошением, в котором описывает сложившуюся ситуацию. Стремительным «половодьем» снесены и испорчены все палатки и находившееся там имущество, общий убыток простирается до 3.000 рублей. Для компенсации просит утвердить за ним содержание купален на четыре-пять лет¹⁵. Согласно резолюции графа М.С. Воронцова, Калфогло получил официальное, документированное право содержание общественных купален на два года, однако с оговоркой, запрещающей строительство какого-либо капитального сооружения¹⁶. Таковое же решение, подтвержденное градоначальником графом А.Д. Гурьевым, находим и в журналах заседаний ОСК от 16 октября 1824 года¹⁷.

По прошествии двух дозволенных лет, 7 октября 1826 года, Калфогло вновь ходатайствует о более продолжительном сроке содержания купален – на 10 лет. При этом повторяется просьба о дозволении возвести прочную постройку, ибо ему приходится ежегодно возобновлять временные сооружения, что связано с расходами на материалы до 2.000 рублей. В свою очередь, ОСК обращается в городскую Думу с предложением рассмотреть выгодность подобного контракта¹⁸. Но тут возникает другое препятствие: промысел содержания общественных купален в любой момент может попасть в акцизную сферу, хотя бы содержатель и готов был через десятилетие передать муниципалитету сделанные им постройки¹⁹. Поэтому Калфогло дозволили продолжить содержание купален в 1827 году, но с оговоркой, что при возможном законодательном назначении акциза ему придется внести соответствующий платеж, по каковому поводу с него даже взяли расписку²⁰.

«Купальный берег» становился все более популярным в связи с интенсивной застройкой Приморского бульвара, Воронцовского и Театрального переулков, Екатерининской площади, Софиевской улицы, где обитала местная элита, включая генерал-губернатора. 26 марта 1829 года у Калфогло появился конкурент, одесский купец греческого же происхождения Георгий Попович, который, ссылаясь на его опыт, просил разрешить на три года содержание общественных купален²¹. В ответ на такие аллюры коварного соотечественника Калфогло энергично запротестовал,

в архивных записях от 12 апреля того же года снова освещена вся история устройства им заведения, и видна комитетская резолюция: «Позволено содержать купальни по левую сторону военной гавани греку Калфоглу»²². Что до конкурента, купца Георгия Поповича, он вскоре (6 января 1831 года) ушел из жизни 44-х лет от роду²³.

Отдав предпочтение прежнему содержателю, городские власти, впрочем, озаботились перспективой переноса купален непосредственно под обрыв Приморского бульвара, дабы потрафить элите. Еще в конце марта 1829 года назначались торги в связи с запланированным перемещением заведения с одной стороны Практической гавани на другую²⁴. Охотников не нашлось, и к этой теме вернулись два года спустя, когда в объявлении о торгах было указано, что победитель вместо платежа за летний сезон 1831 года должен будет лишь перенести купальни на новое место, обозначенное ОСК²⁵. Этот сюжет живо обсуждается в переписке градоначальника А.И. Лёвшина и генерал-губернатора М.С. Воронцова²⁶. В первое лето после перемещения на участок почти против усадьбы Воронцова купальня оставалась временной, а затем замечательно преобразилась капитальной постройкой²⁷, но к нашим интересам это имеет мало отношения.

Вернемся к Калфогло. Звали его Феодором Панаиотовичем, он был одесским купцом 3-й гильдии, имел брата Георгия, состоявшего в подданстве Оттоманской Порты, супругу звали Евфимией Васильевной. Умер Калфогло 26 января 1847 года 63-х лет²⁸, то есть он 1784 года рождения, а в «пушкинский сезон» ему было около 40 лет. В 1834 году Калфогло по договору построил кофейню в портовом Карантине, которую содержал восемь лет, а затем срок пользования продлили еще на семь лет, однако Феодор Панаиотович ушел из жизни еще до окончания контракта, и двухэтажная кофейня в 1850-м была передана городу его вдовой Евфимией²⁹. Несомненно, братья Калфогло были из фанариотов и навещали свою историческую родину³⁰, судя по всему, перебрались в Одессу из Константинополя в 1821 году в связи с небезызвестными кровавыми событиями. Это немаловажное обстоятельство, ибо Пушкин мог получать от содержателя занимательную информацию о греческих делах.

М.Н. Воробьев. Купальный берег. 1832 г. Холст, масло

М.Н. Воробьев. Купальный берег. Ранее 1830-го. Из «Отечественных записок»

Конфигурацию береговой линии, элементы рельефа и топографию местности, где функционировали первые в Одессе общественные купальни, можно увидеть на генеральном плане города, составленном архитектором Джорджио Торичелли ближе к концу 1820-х³¹. Внешний облик купален и их местоположение запечатлены на известном полотне академика живописи М.Н. Воробьева. Картина написана в 1832 году по зарисовкам 1828-1829 годов. В виде графики она опубликована еще в январе 1830-го³².

Примечания

¹ Александр Третьяк. От основания. – Одесса, «Optimum», 2008, с. 137.

² Сын Отечества. – 1817, ч. 38, № XXI, с. 51-52.

³ Обширные материалы и библиографию по этой теме читатель может найти в следующей публикации: Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. Хутора (дачи). – Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Кн. 50. – АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 6-31.

⁴ Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 538; Там же, д. 153-б, л. 450 и др.; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса, АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 226-230.

⁵ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 282, л. 467.

⁶ Антония Гласе. Пушкинская Одесса в письмах графини Е.П. Гурьевой. 1822-1824. Новые материалы. – Санкт-Петербург – Нью-Йорк, 1995. Позднее Гурьева обитала на приморском хуторе генерала Ф.А. Кобле, где могла пользоваться морскими ваннами либо отправляться оттуда на Малый Фонтан, однако это другой сюжет.

⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 279, 21 л.

⁸ Там же, л. 15.

⁹ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 788.

¹⁰ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 279, л. 3.

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса, АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 208-211.

¹³ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 204, 144 л.; Там же, д. 153-б, л. 254; Там же, оп. 2, д. 589, 125 л.; Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 32.

¹⁴ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 279, л. 2.

- ¹⁵ Там же, л. 3.
- ¹⁶ Там же, л. 4-5.
- ¹⁷ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 129-130.
- ¹⁸ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 279, л. 6.
- ¹⁹ Там же, л. 7.
- ²⁰ Там же, л. 13.
- ²¹ Там же, л. 14.
- ²² Там же, л. 15, 16-17.
- ²³ Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. II. – 2000, с. 224-225.
- ²⁴ Одесский вестник. – 1829, 23 марта, № 24.
- ²⁵ Там же, 1831, 23 мая, № 41.
- ²⁶ Архив князя Воронцова. Кн. XXXIX. – М., 1893, с. 21, 27, 51, 56.
- ²⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1404, 148 л.
- ²⁸ Греки Одессы. Ч. II. – Труды государственного архива Одесской области. Т. IV. – 2002, с. 7, 109, 111, 114-115, 255, 329, 343.
- ²⁹ Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 340.
- ³⁰ Одесский вестник. – 1840, 24 апреля, № 33.
- ³¹ Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ). – Инвентарные номера К-605, К-620/2.
- ³² Отечественные записки. – 1830, январь. Ч. XL, кн. CXVII, № 117.

